

Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной

Параллельно с Карловацкой распрей возник в 1927 году еще один тягостный конфликт — с Московской Патриархией.

Вскоре после закрытия Епархиального съезда я отправился на Вселенскую конференцию в Лозанну. Там я и получил Указ № 93 от 1(14) июля (1927 г.) заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия, и опять всколыхнулись и забушевали в моей пастве успокоившиеся было политические страсти. Новое тяжкое испытание...

Указ обвинял эмигрантское духовенство за открытые выступления против советской власти и предлагал мне как Управляющему русскими церквами в Западной Европе и через меня всем заграничным русским архипастырям и священнослужителям — дать письменное обязательство (за собственноручной подписью) "лояльности" по отношению к советскому правительству и предписывал немедленно, — не дожидаясь этих подписей, — доложить заместителю патриаршего местоблюстителя, согласен ли я исполнить это обязательство¹.

Связь с Матерью Русской Церковью была мне очень дорога. Непримиимой позиции "карловчан", которые после грозного патриаршего Указа (от 22 апреля (5 мая) 1922 г. № 349) скрепя сердце признавали Московскую Патриархию, — я не разделял. Мне хотелось, не подчиняясь советской власти и оставаясь самостоятельным, найти какую-нибудь линию поведения, дабы с Москвою не рвать. С целью выяснения настроений в своей пастве я устроил совещание, в котором приняли участие о. Сергей Булгаков, А. В. Карташев, князь Г. Н. Трубецкой, М. Н. Гире, И. П. Демидов и др. Мнения разделились. М. Н. Гире высказался весьма резко против соглашения с митрополитом Сергием; о. Булгаков, Карташев, Демидов... стояли за соглашение. Эти два противоположных мнения отражали настроение моей паствы. Объединенная вокруг меня и мне преданная, она была Указом митрополита Сергия озадачена, встревожена и смущена...

Я решил исполнить требование митрополита Сергия не безусловно, а при условии, что термин "лояльность" означает для нас аполитичность эмигрантской Церкви, т. е. мы обязуемся не делать амвона ареной политики, если это обязательство облегчит трудное положение родной нашей Матери Церкви; быть же "лояльными" по отношению к советской власти мы не можем: мы не граждане СССР, и таковыми нас СССР и не признает, а потому политическое требование с канонической точки зрения для нас необязательно.

В моем "слове" на Литургии (4 сентября 1927 г.) я разъяснил мой ответ митрополиту Сергию, и многих это успокоило. Но не всех... Многие требовали решительного разрыва с Москвой. Бывший Главнокомандующий Добровольческой армией барон Врангель писал

¹ Послание разъясняло линию Патриархии в отношении Зарубежного Синода, а также вообще православной русской эмиграции: «<...> Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколов заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что, размежевавшись, так, мы будем обеспечены от всяких неожиданностей из-за границы. С другой стороны, наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли и им пересмотреть вопрос о своих отношениях к Советской власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и Родиной.»

мне, что считает мой ответ двусмысленным и неопределенным. Другой генерал негодуяюще ставил вопрос: не ставленник ли я большевиков?.. Вообще писем с протестом я получил несколько.

В ответ на мое разъяснение о "лояльности" митрополит Сергей написал мне, что считает его удовлетворительным, но требует немедленно препроводить ему подписи всех зарубежных епископов и приходского духовенства. Я отправил предписание митрополита Сергея в Карловцы, но никакого ответа оттуда не последовало. А в моей епархии духовенство подписи дало, за исключением нескольких настоятелей приходов, которые из-за "лояльности" отпали и перешли в юрисдикцию Карловацкого Синода: протоиерей Орлов (Женева), о. Молчанов (Медон), протоиерей Тимофеев (Лондон)...

Связь с Московской Патриархией сохранилась, но не прочная, слабая, вот-вот готовая порваться. Каждое мое неосторожное слово подвергалось в Москве критике и осуждению. В течение трех лет между митрополитом Сергием и мною поддерживалась тягостная, безрезультатная полемика. Митрополит укорял меня за нарушение данного ему слова о невмешательстве в политику, а я обвинения опровергал, разъясняя, почему то или иное мое выступление нельзя назвать политическим — надо назвать молитвенно-церковным и религиозно-нравственным пастырским воздействием на паству, от которого ни я, ни мое духовенство никогда не отказывались и отказаться не можем. Свою позицию я разъяснял и моей пастве. Так, на общем собрании приходов моей юрисдикции (в Лондоне) 21 марта 1930 года я дал всестороннее разъяснение моей линии поведения и заверил, что "сам не пойду и мою паству не поведу по путям, имеющим хоть какое-либо соприкосновение с советской властью".

Когда митрополит Сергей в 1930 году заявил иностранным журналистам², что в советской России гонений на Церковь нет, в эмиграции поднялось сильнейшее возмущение столь явной неправдой. Мое положение стало весьма тягостным. Некоторые лица моей паствы снова требовали немедленного разрыва с Москвой. Мог ли я митрополита Сергея оправдать — сказать, что черное — белое? Конечно, можно было сказать, что митрополит Сергей был вынужден на ложь какими-нибудь высокими мотивами, которые нам неясны, неизвестны, но ложь оставалась ложью... Я старался его защищать, говорил, что его слова не ересь, не грех церковного порядка, не отпадение от веры, а поступок политический, и что нам все же лучше от Москвы не отрываться... Но, конечно, торжественное объявление неправды назвать политикой можно лишь условно, и с этой натяжкой паства никак примириться не могла. Поддерживать связь с Москвой стало трудно и успокоить негодующую паству, взывая к ее состраданию, невозможно.

В те дни я получил письмо из России от одного священника, которого очень хорошо знал в бытность мою архиепископом Волынским. В письме его описаны подробности трагических условий, при которых митрополит Сергей дал интервью иностранным журналистам. Текст заявления, прочитанный митрополитом Сергием, был выработан

² 2 февраля 1930 года Папа Пий XI обратился с призывом молиться за «гонимую Русскую Церковь»; в Великобритании Архиепископ Кентерберийский Космо Ланг организовал международное и межконфессиональное (с участием русских эмигрантских клириков, в частности митрополита Евлогия (Георгиевского) «моление о страждущей Русской Церкви», прошедшее 16 марта 1930 года. Ввиду того, что подобные акции на Западе наносили удар по престижу руководства СССР, власти организовали контрмероприятия. В частности постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1930 года было определено: «Поручить гг. Ярославскому, Сталину и Молотову решить вопрос об интервью», а 16 февраля 1930 года в газетах «Правда» и «Известия» было опубликовано интервью митрополита Сергея (Страгородского) и членов Синода. Текстологический анализ документов из Архива президента РФ показал, что интервью являлось полной фальсификацией, совершённой уполномоченными к этому постановлением Политбюро Сталиным, Ярославским и Молотовым. Никто из иерархов Церкви, включая митрополита Сергея, не участвовал ни в его написании, ни в редактировании. Не существовало и «представителей советской печати», которые якобы брали это «интервью». Основной вариант был написан Емельяном Ярославским. Он был тщательно отредактирован и дописан Сталиным. Молотов оставил менее значительную правку. 16 февраля 1930 года, через три дня последовало аналогичное интервью уже только Сергия зарубежным корреспондентам.

большевиками. Кое-какие редакционные поправки сделаны митрополитом собственноручно, подпись — тоже. В этом виде весь текст был сфотографирован и потом напечатан во французском иллюстрированном журнале "Vue". Сомнения не было: митрополит Сергей и весь состав его Синода бумагу читали и подписали. Это вызвало возмущение не только у нас, за рубежом, но и в советской России. Народ негодовал: как... Церковь лжет?!.. иерархи тоже лгуны?!.. "В день нашего храмового праздника митрополит Сергей должен был служить, — рассказывает в письме священник, — народу собралось великое множество, и вся толпа бурлит-кипит негодованием... Атмосфера накаленная, грозная... Страшно стало за митрополита: не кончилось бы расправой... Я телефонирует митрополиту, чтобы он не приезжал, а сам я, закутанный в шубу, незаметно пробрался сквозь толпу в храм — предосторожность не напрасная: враждебное настроение толпы по отношению к митрополиту Сергию смешалось с негодованием на нас, "попов": "Все попы — предатели!.. все они — заодно!.." Начал служить... Как нам, духовенству, не реагировать на то, чем глубоко взволнована паства? Как при таком настроении молящихся поминать митрополита Сергия? Могут подняться крики, брань... люди могут забыть и в экстазе оскорбят святыни... Я решил митрополита не поминать. Народ оценил это. Послышались возгласы: "Верно!.. верно!.. не надо поминать лгуна!.." Так я и вышел из тягостного положения... На другой день утром я поехал к митрополиту Сергию. "Что вы делаете!" — упрекал он меня. "А что делаете вы?" — "Чего не знаешь — не говори..." — ответил митрополит". Оказывается, что текст большевики дали митрополиту Сергию за неделю до интервью, а потом держали его в изоляции. Перед ним стала дилемма: сказать журналистам, что гонение на Церковь есть — это значит, что все тихоновские епископы будут арестованы, т. е. вся церковная организация погибнет; сказать "гонения нет" — себя обречь на позор лжеца... Митрополит Сергей избрал второе. Его упрекали в недостатке веры в несокрушимость Церкви. Ложью Церковь все равно не спасти. Но что было бы, если бы Русская Церковь осталась без епископов, священства, без таинств — этого и не представить... Во всяком случае не нам, сидящим в безопасности, за пределами досягаемости, судить митрополита Сергия...

И вот произошло то, что уже готовилось в течение трех лет постепенным ослаблением моих связей с Московской Патриархией — летом 1930 года между мною и митрополитом Сергием произошел разрыв. Случилось это так.

В начале поста 1930 года архиепископ Кентерберийский пригласил меня в Лондон на однодневное моление о страждущей Русской Церкви. Я решил ехать. За нас будет молиться вся Англия, а я останусь в Париже безучастным свидетелем единодушного сочувствия всех Церквей к страждущей нашей Церкви? Невозможно! Моя совесть повелительно требовала моего участия в этих молитвах; так же, несомненно, была настроена и моя паства.

Я провел в Англии с неделю. Давно я не испытывал такого светлого чувства братской христианской любви между Церквами, какое испытал в эти незабвенные дни, когда вся церковная верующая Англия коленопреклоненно молилась о прекращении тяжких страданий нашей Русской Православной Церкви... Политических целей я никаких в Англии не преследовал и с политическими речами нигде не выступал. Всюду, где мне приходилось говорить речи, я лишь благодарил за сочувствие, просил и впредь поддерживать нашу страдальницу Мать Церковь своими молитвами. И вот эти выступления и послужили поводом к строгому запросу из Москвы от митрополита Сергия: на каком основании вы позволили себе разъезжать по Англии, призывая к протесту против СССР? Тут же было высказано требование свою поездку осудить и дать обязательство такого рода выступления более не повторять... Горько мне было читать эти несправедливые упреки, продиктованные внушениями советской власти, и я резко ответил митрополиту Сергию, что моление в Англии имело не политический, а религиозный характер: это был протест религиозной и вообще человеческой совести против страшных гонений на Церковь в советской России; доказательством тому — договор английского правительства

с СССР, заключенный как раз во время моего пребывания в Англии. Митрополит Сергей на это письмо обиделся и потребовал от меня точного определения моей церковной линии. Я ответил. Очевидно, мое объяснение было признано неудовлетворительным, потому что вскоре же я получил от митрополита Сергея Указ от 11 июля того же 1930 года № 1518 об увольнении меня от управления Русской Церковью в Западной Европе с предписанием передать все епархиальные дела архиепископу Владимиру.

Владыка Владимир принять должность отказался и послал в Москву соответствующее заявление, и потому я не мог сдать ему епархии. Продолжались мои пререкания с митрополитом Сергием, который прислал мне ультимативные требования: а) осудить мою поездку в Англию; б) дать подписку никогда не повторять таких выступлений на будущее время и в) подтвердить строгое исполнение данного обещания о невмешательстве в политику. Ответ на этот ультиматум мне очень облегчило очередное второе Епархиальное собрание, состоявшееся тем летом. Пред ним я со всей искренностью и во всех подробностях разъяснил историю моего конфликта с митрополитом Сергием и на его окончательный суд отдавал вопрос о моем увольнении. Собрание встретило весть о моем увольнении с возмущением. Оно окружило меня любовью, горячо выражало мне свою преданность. Трогательно и единодушно прозвучал этот соборный голос духовенства и мирян. Члены Съезда обратились ко мне с горячей просьбой не покидать епархии, не обречь ее на новые гибельные потрясения, а продолжать управлять тем кораблем, который мне поручен волею почившего Патриарха Тихона. Никогда не забуду я этого любящего голоса моей паствы! Я почувствовал, что оставлять овец на расхищение я не могу, что мой пастырский долг оставаться на своем посту ради блага паствы, несмотря на грозные, несправедливые запрещения из Москвы. В этом смысле, опираясь на голоса Епархиального собрания, я сделал подробный и обстоятельный доклад митрополиту Сергию. Я доказывал ему всю несправедливость его решения, вытекающего из того, что ему не видно из Москвы особенного положения наших заграничных церквей, и просил ради блага Церкви отменить его несправедливый Указ об увольнении меня без суда. Если же наше ходатайство — и мое личное, и моих епископов, и всего Епархиального собрания — не будет удовлетворено, то во избежание на будущее время подобных недоразумений, я просил предоставить нам право организовать временно, до установления нормальных сношений с центральной властью, самостоятельное управление заграничными церквами, на основании Указа местоблюстителя патриаршего престола митрополита Агафангела от 1920 года 20 ноября, хотя этот Указ был издан для русских епархий, оторванных от центра фронтами гражданской войны. Митрополит Сергей не внял моим доводам и подтвердил увольнение меня от управления епархией с запрещением в священнослужении; а управление было поручено митрополиту Литовскому Елевферию. Такое же запрещение налагалось и на сослужащих мне епископов и на все духовенство, если оно не подчинится митрополиту Елевферию. В юрисдикцию митрополита Елевферия отошли очень немногие: епископ Вениамин, иеромонахи Стефан и Феодор, имевшие его своим "старцем", и протоиерей Гр. Прозоров (Берлин). Согласно церковным канонам и церковной практике, и древней и новой, каждая церковь и каждый епископ имеют право апеллировать ко Вселенскому (Константинопольскому) Патриарху в тех случаях, когда они не находят справедливости у своей церковной власти. Случаев таких апелляций великое множество. Я посоветовался с моими епископами, и мы единодушно пришли к решению — обратиться в Константинополь, о чем я и предупредил митрополита Елевферия. Епископ Вениамин и митрополит Елевферий уговаривали меня в Константинополь не ездить, но я в своем решении был тверд.